

Наталья Селиванова

В СИНИЮ ВЕЧНОСТЬ

В конце января 2021 года не стало Семена Борисовича Хана, известного казахстанского галериста, коллекционера, тонкого ценителя и знатока живописи, графики, скульптуры. В августе ему исполнилось бы 72 года.

Ушел из жизни хороший человек, общение с которым ценили и профессионалы, и любители изобразительного искусства. Ушел человек, немало сделавший для утверждения галерейного движения в стране, а в годы экономического обвала девяностых протянувший спасительную руку помощи многим художникам как столичным, так и периферийным, утратившим, было, смысл жизни в искусстве...

Смерть забирает, жизнь отдает. И никогда – наоборот. Это непреложный закон. Закон, не имеющий обратной силы и априори отклоняющий любые поправки...

ПУТЬ ПЕРВОПРОХОДЦА

С уходом из жизни Семена Борисовича Хана искусство осталось без души. Сказано это не для красного словца. В искусство Семен Борисович был погружен без остатка, оно являлось неотъемлемой духовной составляющей всей его жизни. Ведь даже наше знакомство с ним состоялось именно на вернисаже – на вернисаже выставки скульптора Шокана Рамазанова, куда я пришла как журналист. Господин Хан – красивый, статный, с пронзительным, прямым (орлиным, как я тогда отметила про себя) взглядом – как будто сошел с картины. Впрочем, почему «как будто»? Именно таким увековечил директора галереи «Инкар», одной из первых частных галерей в нашем городе, выдающийся художник Салихитдин Айтбаев на полотне «Портрет Семена Хана». Так вот этот самый Семен Хан, организатор выставки, неспешно прошелся со мной по экспозиции, ответил на вопросы. Через несколько дней материал о Рамазанове был готов, я принесла его на утверждение Семену Борисовичу. Одобрил, назвав меня «вдумчивым журналистом». Отношения завязались. Иногда думаю: а если б оказалась «журналистом невдумчивым»? Ну, и не было б тогда почти 20 лет счастья...

В активе галериста Семена Борисовича Хана множество художественных выставок. Сколько их было? Неважно. Тут дело не в счете, а в их высоком качественном уровне. В глухих девяностых он организовывал выставки мэтров живописи, графики, скульптуры – народного художника республики Евгения Сидоркина,

заслуженных деятелей искусства КазССР Салихитдина Айтбаева, Бориса Пака, Альберта Гурьева, враз тогда ставших никому не нужными. К примеру, персональной выставки Евгения Матвеевича Сидоркина ко времени вернисажа ста его работ в галерее «Инкар» в 1992 году не было десять лет!

Семен Хан, в числе других известных галеристов, таких как Владимир Филатов, Юрий Маркович, Ирина Юферова, Надежда Полонская, Елизавета Малиновская, Гульмира Шалабаева, был организатором ежегодного и невероятно популярного Парада галерей, проходившего в музее изобразительного искусства им. Кастеева, а затем там же – традиционного Осеннего сезона. Творческая интеллигенция ждала этого события как праздника. Участниками экспозиции галереи «Инкар» становились лучшие из лучших, сильные и одаренные мастера живописи, графики, скульпторы. Семен Борисович, галерист с многолетним стажем и человек, одержимый искусством, отличался редкостной щепетильностью и крайней разборчивостью в выборе участников того или иного арт-проекта. Основой этих арт-проектов были работы Дулата Алиева, Ерболата Толепбая, Евгения Сидоркина, Гульфайрус Исмаиловой, Вадима Сидоркина, Бориса Пака, Ивана Бондаренко, Айши Галимбаевой, Фархада Камалова, Валтера Никкарева – это имена, украшающие современное казахстанское искусство, мастера, известные во многих странах мира. Но даже мэтры нередко обращались за советом к Семену Борисовичу, отдавая должное его профессиональной компетенции. С молодыми художниками он работал в том случае, если видел в них перспективу развития, если нет – был категоричен. Зато как повышалась самооценка тех художников, кто проходил так называемый кастинг – строгий, но справедливый!

Тонкое профессиональное чутье и интуиция Семена Борисовича позволяли ему разглядеть в начинающих художниках будущих мастеров, направить уже состоявшихся. Чутье, интуиция... И не только. Еще жадно впитываемые знания – глубокие, системные. Он бежал от недалеких личностей, не водил пустых разговоров. Но как ценил общение с близкими по духу людьми! В свое время негласный лидер группы художников-шестидесятников Салихитдин Айтбаев ввел его в круг творческой алматинской интеллигенции, ядром которой были сам Айтбаев, Мурат Ауэзов, Еркин Мергенов, Тимур Сулейменов. Разумеется, духовная основа Семена Борисовича сформировалась задолго до этого плодотворного общения, но тогда она укреплялась в нем с большей силой, сплавляясь в мощный и негибачаемый человеческий стержень.

Его собственное становление проходило в Темиртау, где он, работая мастером цеха термонаплавки Карагандинского металлургического комбината, окончил вечернее отделение Карагандинского завода-вуза, придя в него с двумя курсами Свердловского железнодорожного института. Десять лет трехсменной работы на Карметкомбинате, сотрудничество со знаменитым институтом Патона в Украине и Запорожским металлургическим комбинатом явились для него хорошей производственной и жизненной школой.

А творческое становление Семена Хана проходило в Темиртауских художественных мастерских, подруживших его с их старейшиной и лидером – скульптором Леонардом Ядринцевым, универсальным художником-монументалистом, графиком, живописцем Александром Болухом, мастером малых форм Надеждой Болух, живописцами Алексеем Зюбенко и Валтером Никкаревым, караган-

динским графиком Владимиром Герценом. Занявшись пластикой малых форм, работая в шамоте, глине, дереве, он не завидовал выставочному успеху друзей, напротив, радовался ему, набираясь собственного опыта. Переезд в Алма-Ату, работа во Всесоюзном исследовательском институте арматуры дали возможность посещать лучшие музеи Москвы, Ленинграда, Киева, продолжать свое творческое восхождение.

На базе закрывшегося института в создавшейся бизнес-корпорации и была открыта в 1990 году галерея «Инкар», в выставочном зале которой не преминули появиться работы темиртаусцев, и куда вскоре потянулись многие известные алматинские художники. Все эти годы Семен Хан считал своим долгом продвигать творчество темиртауских товарищей, чувствуя себя их постпредом в столице республики, представляя их работы в лучших выставочных залах Алматы, знакомя с ними журналистов ведущих СМИ, публикуя о них собственные статьи. По его заказу Болух создал графическую серию «Гибель Отрара», Никкарев – многие свои известные полотна, в том числе из серий «Легенды и мифы Великой степи», «Ван Гог. Темы и вариации».

Сотрудничество с Валтером Никкаревым стало особенно плодотворным, он участник всех больших коллективных вернисажей галереи, его юбилейная персональная выставка прошла в Центральном государственном музее РК. Работы Никкарева, финна по происхождению, были презентованы на сессии Ассамблеи народа Казахстана в Астане в присутствии Посла Финляндии в Республике Казахстан, атташе посольства по культуре, председателя Казахстанского карело-финского этнокультурного объединения Александра Смирнова, представителей Совета АНК, у которых нашли высокую оценку. Были представлены работы Никкарева и на организованной галереей «Инкар» в 2010 году выставке «Цвет и образы» в Вене и Праге – проекте, реализованном в рамках государственной программы «Путь в Европу» и посвященном председательству нашей страны в ОБСЕ.

По итогам выставки Постоянный представитель Республики Казахстан при ОБСЕ Посол Кайрат Абдрахманов, выражая благодарную признательность галерее «Инкар», лично Семену Борисовичу Хану и отечественным мастерам-художникам, писал: «Это событие стало знаковым в культурной жизни города Вены, продемонстрировав достижения казахстанского изобразительного искусства. Подтверждение тому – большой интерес европейской творческой элиты, высоко оценившей богатство и глубину культурных традиций нашей многонациональной страны».

Представлено в Европе было творчество семи художников: традиционное искусство казахских мастеров-зергеров в лице Надирбека Жээренчиева, показавшего оригинальные серебряные ювелирные украшения; деревянная скульптура Фархата Камалова с его знаменитым Трио (кобыз, домбра, бубен) и массивными масками; живопись Валтера Никкарева, Рашида Нурекеева, Нуржана Саутбекова, Ольги Шангиной, и скульптура Шокана Рамазанова в бронзе, серебре, золоте, кости с полудрагоценными камнями, нашедшими совершенное воплощение в его удивительном «Золотом бесике», олицетворяющем культ для казахов традиционных семейных ценностей.

Успешно прошедшие выставки многое открыли не только посетившим их гостям, но и самим художникам, и их организаторам.

ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Семен Борисович Хан был не просто профессиональным, думающим галеристом – он был галеристом креативным. Наверное, поэтому к нему обращались не только художники, но и компании, зачастую далекие от искусства, но ищущие новый взгляд на собственное дело и себя в нем. Помню пиар-акцию шведской торговой марки водки «Абсолют», которую директор «Инкара» провел в Центральном выставочном зале Алматы. Немного позже с размахом и в то же время с изяществом и вкусом организовал в музее им. Кастеева пиар-компанию для винзавода «Вина Семиречья». Да уж, озадачил он тогда художников столь неординарной концепцией выставки! Но справились все блестяще. Семен Борисович несколько лет сотрудничал с элитным салоном «Галерея вин». Художественные выставки организовывал прямо в салоне. Проводил аукционы, презентации, куда приглашались известные эстрадные и оперные певцы, артисты балета, поэты и писатели. А еще вместе с журналом «Ваш Дом», редактором которого я долгое время являлась, он организовал две беспрецедентные выставки «Искусство в интерьере» в музее им. Кастеева и Центральном выставочном зале. Экспозицию готовили компании-партнеры журнала совместно с художниками, включая ландшафтников. Таких проектов никто раньше не делал, как, впрочем, и позже. Эксклюзив. Однозначно: в арт-бизнесе этот человек сказал абсолютно новое – авангардное – слово...

Семен Хан являлся апологетом авангардизма. Не отрицая академической живописи, он был уверен в том, что истинный художник рано или поздно уйдет от нее в авангард, «мала ему станет кольчужка». Свою миссию галериста видел в том, чтобы поддерживать и продвигать художников этого направления. И по большому счету был готов к тому, что для его дела может и не хватить целой жизни... О своей страсти он мог говорить бесконечно. Благоговел перед Сезанном, Гогеном, Врубелем. А вот Микеланджело, Ван Гога, Валтера Никкарева, современного художника-экспрессиониста, называл гениями. Гордился, что имел эксклюзивную коллекцию полотен Никкарева, что четверть века продвигал его живопись на казахстанском и международном рынках и был его другом. Между прочим, о творчестве Валтера Никкарева высоко отозвался известный писатель и художник по образованию Анатолий Андреевич Ким, познакомившись с коллекцией его работ в галерее Семена Борисовича Хана.

По возможности Семен Борисович выезжал к Никкареву в Караганду и возвращался домой с бесценными живописными холстами. «Поцелуй», «Сирень», «Подсолнухи», «Луч солнца золотого», «Красные цветы», «Окна», «Цветы для Магомаева» и еще многие шедевры – золотой фонд его уникальной коллекции... Холсты разворачивал бережно – так, как мать распеленывает ребенка, от волнения задерживал дыхание. «Ты первая, кто видит эти работы, – говорил он мне, – работы гения, проводника искусства как эманации боли и печали». Каждое слово Семена, особенно когда речь шла об искусстве, имело вес. О гении Никкареве в журнале «Ваш Дом» за 12 лет его существования вышло 12 статей – каждый год по материалу. Мне, как его редактору, есть чем гордиться...

В 2019 году Валтера Никкарева не стало. Семен тяжело и глубоко в себе переживал кончину друга. Но продолжал заниматься этим художником: писал о нем, общался с его родными, устраивал онлайн-выставки. Он оставался преданным

Никкареву до конца. Умение быть преданным – бесценное качество души Семена Борисовича. Преданность искусству, времени своей молодости, родовому гнезду, дочери, внукам, женщине, другу... Практически все то, что он привнес в свое поле однажды, так при нем на всю жизнь и осталось. Ценности этот человек практически не переоценивал.

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Он жил так, как бог положил ему на душу еще при рождении – естественно, в ладу с самим собой. Не вписывался в стандарты и существующие типажи, не придавал значения внешнему лоску и прочим визуальным обманкам. Понятия «быт», а уж тем более «быт обустроенный» для него не существовали, а если и существовали, то исключительно под опцией «дребедень». Как же так жить можно? – недоумевала я в наш первый год. А уже на второй осенило: только так жить можно и нужно. Органично, свободно, не беспокоясь о том, что любовная лодка разобьется о быт по причине отсутствия этого самого быта. Устои, правила, режим – Ordnung одним словом, – это не про Семена. Знаю: даже среди родных он слыл чудачком, человеком, оторванным от жизни, не от мира сего. В этом есть своя правда. Но есть и другая правда – лично моя: Семен – неотшлифованный, необработанный янтарь, самородок, ценность которого невозможно понять умом – только почувствовать сердцем.

Вот об этом Семене Хане, может быть, незнакомом даже для близко знавших его людей, мне и хочется сейчас вспомнить. Рассказать о человеке, который, находясь в поле притяжения высокого искусства, работая над большими проектами, не замыкался в их космизме, а умел наполнить радостью творчества и созидания каждый простой, подаренный жизнью день.

Семен Борисович обладал особенной мудростью – мудростью восточного человека. Он интересовался учением Конфуция, часто цитировал Лао-цзы. Трепетал перед настоящим искусством и природой. «Природа есть Бог» – любил повторять он. И веяло от этих слов могучей силой, чем-то древним, таинственным, языческим. Да, именно так: языческим, поскольку и сам он в свои-то 50-60 и даже 70 (!) лет казался мне иногда языческим богом, легким, озорным, остроумным. С каждым годом Семен приближался к природе все больше. И прямо пропорционально отдалялся от города, который олицетворял для него ненавистный социум. Семен любил Алма-Ату прошлых лет, а вот Алматы конца XX начала XXI века он категорически не принял. Новому городу он ставил в вину многое: дорожные «пробки», современную архитектуру, которую в своем большинстве называл безвкусной, обрезанные по-дилетантски деревья, беспрерывно болтающую по мобильникам публику, пыль, смог, небо, где звезд не видно. Отсюда и его жгучее нетерпение – скорее пережить зиму и с наступлением весны – на природу, на дачу!

Однако и в этом самом «пережить» была своя динамика. Семен не оставался без дела даже зимой. В тастакском доме и на участке он выписывал такие творческие виражи, предавался таким полетам фантазии, что зима проносилась для нас в мгновение ока. Помню, как в одну из зим Семен выращивал сосульку. Вот уж диво дивное! Сосулька та формировалась не традиционно сверху вниз, а креативно – снизу вверх. Стало быть, той зимой выросла у нас под окном и не

сосулька вовсе, а самый настоящий сталагмит. Вымахал же тот сталагмит под названием Свеча выше самого Семена – два с лишним метра при диаметре в 4 см. Семен гордился своим необычным зимним «урожаем» и очень переживал, когда Свеча начала таять под солнечными лучами.

Да уж, Семен Борисович умел удивлять и заражать своими фантастическими идеями. И так они хорошо ложились на мою жадную до творчества душу, так крепенько за меня цеплялись, что Семен порой и сам не рад был тому, что их озвучил. Вынь да положи дом на дереве! А еще балкон, еще амфитеатр! Еще... еще... еще! В проектах все это одно за другим вставало в очередь, потом воплощалось в жизнь, начинало дышать, наполнялось цветом, звуками... Определенно: только так можно и нужно было жить.

КАК ХОДИТЬ ПО ДЕРЕВЬЯМ И КАК СТРОИТЬ ГНЕЗДО...

У Семена Борисовича все вертелось вокруг дерева. Дайте мне дерево, и я переверну ваше представление о прекрасном! И – переворачивал. Какую мебель – столы, скамьи, стеллажи – он изготавливал собственноручно! Все крепкое, добротное – в буквальном смысле без сучка и задоринки, со своим фирменным лейблом. А садовые композиции? Одна из них – двухэтажная, прямо на живом дереве. 1-й этаж – мини-кафе; 2-й – балкон-эстрада. Здесь мыслилось устраивать концерты с участием внуков – Саши, Никиты, Гоши, да и просто желающих – тех, кого Господь не обделил артистическими талантами. Впрочем, и обделенным было б позволено на том балконе и дробь отбить, и коленца выкинуть. К весне 2021 года мы должны были этот объект закончить, оставались детальки, незначительные штрихи. Но... не успели. Не успели провести и традиционную тастакскую фотовыставку «Продлись, продлись, очарованье!», в которой принимали участие члены нашей большой семьи, в том числе и дети, и друзья. Каждый участник презентовал на выставке свою фотокартину, заканчивая историю музыкальным номером. Столы ломались от кушаний, домашних вин. Главным же «гвоздем» кулинарной программы неизменно оставался фирменный семеновский шашлык. Повсюду – картины, скульптура, букеты... В пространстве столько творчества, любви, настроения – одному от всего этого можно было б и задохнуться, а вот когда поровну между всеми – это в самый раз и на одном – легком – дыхании...

Семен Борисович любил тастакский дом, называл его родовым гнездом. В нем, кроме нас двоих, жила-была и кошачья семья – две кошки и два кота, включая семеновского любимца – кота Са-су. Конечно, хлопотно, конечно, некомфортно – целых 16 кошко-лап! Зато, говоря словами Семена, по-человечески. Большой дом был наполнен под завязку, нет, не дорогими мебельями, шмотками, модными аксессуарами – он был наполнен духовностью: хорошими картинами, скульптурой, музыкой. Музыку Семен любил бесконечно и бесконечно гордился тем, что ему выпало жить в одно время с кумирами молодости – Окуджавой, Высоцким, с классиками Образцовой, Плисецкой, Хворостовским, Мацуевым, Плетневым, Нетребко. Он обожал концерты мировых симфонических оркестров на телеканале «Культура», не пропускал Рождественский венский концерт. Любовью же его всегда оставался Муслим Магомаев. «Синяя вечность», «Благодарю тебя», «Мелодия», «Ноктюрн» и другие песни звучали в нашем доме постоянно. А вот

современная попса не просачивалась в дом-гнездо никоим образом: ни в двери, ни в окна, ни в щели. Возможно, все дело было в его личном пространстве, обладающем столь могучей защитой, что пошлость, неумь, мат и все прочее, что «зывается vulgar», даже и не пыталось проникнуть в наше с ним поле, обходило его десятой дорогой...

Мы с Семеном все еще напевали: «Холодный вечер, в мире и в сердце зима. Снег лег на плечи, на асфальт и дома», а зима, между тем, уже заканчивалась. Наступала весна, любимое время года моего мужа. Наш спевшийся, сработавшийся дуэт начинал попеременно перемещаться то в сторону гор – на дачу моего свата и моих детей, то в сторону степи – дальнюю дачу Семена в Тураре. Накопленная за зиму энергия обрушивалась на эти самые дачи со всей неотвратимостью. А вот тастакский дом облегченно выдыхал, получая возможность отдохнуть от наших с Семеном зимних художеств.

ЕСЛИ ВАМ ПОВЕЗЕТ С ПНЕМ...

Что касается дачного дома моих детей и свата, то там все нормально. Дом давным-давно построили, недавно отремонтировали и довели до ума. А вот на участке – сад да огород и ни одного арт-объекта! Лет 15 мы с Семеном тем только и занимались, что этот пробел восполняли. Начали с росписи забора и возведения кирпичной стены (аки стена средневекового замка), а потом вторглись и на сам участок. Арт-объекты росли, как грибы после дождя. Все шло в дело: ракушки, камни, кирпич, выращенные Семеном на турарской даче декоративные тыквы. Особенно востребованным оказался утиль. Кастрюли и горшки, зеркала и битая посуда, детские игрушки и новогодняя мишура, пылесос, вентилятор и кофемолка – все это обретало вторую жизнь. Так появились композиции из четырех стихий, «Фонтан», «Светильник», «Карусель», «Арбузы», «Сад камней» и пр. Обычные же садовые скамьи расписывались в технике «а-ля Джексон Поллок». Сват Эдуард Антонович с деликатным пониманием относился к нашим «души прекрасным порывам» и, без боя уступив арт-объектам и клумбам все солнечные VIP-места, скромно переместился со своими помидорами да кабачками на самые выселки дачи. А когда приходило время спилить старое дерево, он неизменно интересовался: вам пень нужен? Семен же искренне удивлялся: как пень может быть не нужен? Это правда: у нас с Семеном к пням было отношение особое. Не пренебрежительное – стоит, мол, пень пнем, а благоговейное – что ни Пень, то красавчик!

Каждый Новый год, по традиции, мы встречали с моими детьми и сватами на этой даче. Наряжали елку на участке и в доме, готовили костюмированное представление. Много смеялись, водили хоровод, пели «В лесу родилась елочка» и не скупилась на добрые пожелания друг другу. Так было и в канун 2021 года. Провожая уходящий год, Семен произнес тост: «Год проходит, и мы должны быть благодарны ему, потому что мы жили, творили, созидали, что-то сделали, наметили планы на будущее. Год не может быть плохим, он замечательный лишь потому, что он был». Мудрости своего мужа я отдавала должное всегда. Но в этот раз как-то особенно почувствовала глубину им сказанного. Семен, ты мой Конфуций, как же мне с тобой повезло!

ВОТ ТВОЙ ДОМ, ВОТ ТВОЙ ВЕЧНЫЙ ДОМ

Все эти дачные дела – посадки деревьев, кустарников, выращивание овощей, причем не только традиционно на грядках, но и в клумбах, в частности помидоры сорта чили, – это то, что само собой разумеется. Семен вообще любил возиться с землей и полушутя-полусерьезно делил людей на тех, кто с лопатой и кто без. Первым, как это он разумел, полагались от жизни респект и уважуха, вторым – дырка от бублика. Он говорил, что человек только тогда человек, когда у него есть дело, хобби и страсть. Так вот, лопата была вне конкурса, она прилагалась к любому хобби. Без лопаты и хобби не хобби... И чтоб соответствовать идеальной модели человека, я разве что без лопаты только ко сну отходила. Шучу, конечно. Но его мысли-парадоксы (или ортодоксы) очень уж мне импонировали, прям на душу ложились...

Главным делом Семена в Тураре было строительство дома. Буквально за два-три сезона он – сам! один! – превратил убогую «божедомку» в большой дом с мансардой и верандой. И крышу тоже крыл один, проявляя при этом чудеса инженерной мысли (приглождалось высшее техническое образование). Настоящий эксклюзив! Уверена, что за это свое изобретение он запросто мог бы получить патент. Но ему это надо? Где Семен, а где патент? Да и интерьер дома мог бы также претендовать на какую-нибудь дизайнерскую номинацию. Взять, к примеру, стены – одни из них в керамической мозаике, другие – в зеркалах и зеркальцах, на третьих панно и картины из сухоцветов... А на авторском семеновском столике – главная эмоция пространства – залитый солнечным светом роскошный букет из веток калины и золотого шара... Помню, Семен, глядя на эту композицию, произнес: «Вот для этого букета мы с тобой и построили этот дом». Прозвучало красиво.

Только вот с «мы построили» он, пожалуй, хватил. Я поддерживала огонь в очаге, кухарила, подкидывала под шумок кой-какие идейки, восхищалась мастерством Семена, философствовала, мол, и не только в шалаше рай с милым, однако дом, честно, не строила. Тем дороже для меня было это «МЫ». Впрочем, «МЫ» вообще было любимым местоимением Семена. «Я» не входило в наш семейный лексикон, и мы вполне обходились без него. Что такое «Я»? То же, что и единица, голос которой «тоньше писка». «МЫ» – совсем другое дело. «Вместе мы – сила» – шутили мы с Семеном, когда сдавали друг другу очередной арт-объект. Кстати, этих самых объектов в Тураре тоже было немало: «Памятник труду», «Монстр», «Большие красные цветы», «Сады Семирамиды». Семен все делал с душой – без души просто не делал. Потому и жил в гармонии, если не с миром, то с самим собой – это точно.

Особенно хороши были в Тураре вечера – тихие, теплые, ближе к осени приятно прохладные. Сидя в виноградной беседке, потягивая домашнее вино, мы подолгу наблюдали за перемещением чудных птичек-крохотулек, которых Семен называл ангелочками. А ночью он выходил из дома, смотрел на звезды и разговаривал с Олей – своей дочерью, умершей от тяжелой болезни. «Грустные звезды в поисках ласки сквозь синюю вечность летят до земли...». Верил: Оля – там, она его видит. Тем и жил – будущей встречей с ней... Что и говорить, на долю Семена лиха выпало сполна – ему довелось пережить своего ребенка.

Для нас двоих турарская дача была притягательна тем, что давала ощущение полного погружения в природу. И никакого XXI века на дворе. Деревенская

идиллия, сельская пастораль – без электричества, гаджетов, пища не на плитке, не на газе и даже не на печке – на костре. Соседи не напрягали – они как бы есть, и как бы их нет. Мы одни на всем белом свете...

В 2019 году на тастакской фотовыставке я читала отрывок из «Мастера и Маргариты»: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом»... Теперь, оглядываясь назад, оставшись без Семена, осознаю: турарский дом и стал вечным домом моего Мастера, моего Семена. Решусь ли когда-нибудь приехать сюда? Это вряд ли. «МЫ» уже нет, а «Я» без «МЫ» – одна сплошная боль...

НЕВЫПЛАКАННАЯ ФЛЕЙТА

В 2010 году благодаря Ольге, выступившей с отцом главным организатором проекта, мы выехали в Европу с художественной выставкой «Цвет и образы», с вернисажами в Вене и Праге. Удивительная была поездка! Сколько парков, дворцов, концертных площадок, соборов, арт-салонов, галерей, музеев (в одной только Вене – 15!) мы посетили! В Вену, по выражению Семена «город, созданный для людей», он влюбился безоговорочно. Ему нравились особенный венский дух, виноградники, разбитые прямо в городе, комфортный трамвайчик, следующий строго по расписанию и работающий до поздней ночи. Кульминацией же всего нашего арт-тура он считал посещение музея Ван Гога в Амстердаме. Это было безусловное счастье – полное погружение в искусство, Ольга с мужем Андреем, внучка Саша, приехавшая из Праги, где училась, друзья-художники. Семен был уверен: пройдет какое-то время и все повторится, мы снова в том же составе, плюс еще Никита и Гоша, покатаем по Вене в полюбившемся ему трамвайчике желаний... Не сложилось.

В 2016 году не стало Оли, хотя Семен и надеялся до последнего, что его дочь со своей болезнью сумеет справиться. Через четыре года и семь месяцев ушел и Семен. Часто вспоминаю один эпизод из нашей с ним жизни. Мы выходим из Вознесенского собора, где несколько минут назад окрестили Семена. Нежаркое апрельское солнце, клейкие, только что распустившиеся листья деревьев, недавно политые дорожки парка... В то утро было как-то по-особенному тихо и светло. Любовь Константиновна, первая жена Семена, сообщила ему по телефону, что у Оли хорошие анализы. Счастье – через край! Его мы смаковали поминутно и никак не хотели отпускать от себя это утро, этот день и вечер... Ну а потом, совсем скоро, все стремительно покатило вниз. Оля теряла силы, таяла на глазах. Горе, к сожалению, как и счастье, тоже может быть полным, тоже через край... Через этот-то край и пришлось переступить родителям Оли. После ухода дочери у Семена опустились руки, глаза все чаще становились влажными, выдавая то, что творилось в его душе. Семен, Семен, невыплаканная ты моя флейта...

Спасение находил в природе, творчестве, искусстве. В 2020 году начал активно работать в Фейсбуке. Вел переписку с художниками, с которыми работал, когда в его любимой Алма-Ате галерейное движение только начиналось. Стал практиковать на своей ФВ-страничке вместе со статьями о художниках онлайн-выставки: успешно провел показ работ Бориса Пака, Валтера Никкарева. Воодушевленный

результатами, в середине января 2021 года запустил выставку темиртауского художника Александра Болюха. Замечательные работы – светлые, радостные, жизнеутверждающие! Странно, что эту выставку посетили очень немногие. Семена это не просто расстроило – это его выбило из равновесия. За два дня до своего ухода он бросил мне в сердцах: людям не нужно искусство! что же им тогда нужно?! И такая боль была в этих словах! Потом, успокоившись, показал мне четыре болюховских натюрморта с рыбой. Пообещал: в четверг выложу их будет рыбный день. Но не было для Семена больше ни четверга, ни рыбного дня – его не стало во вторник.

В наше последнее воскресенье, 24 января, на даче моих детей мы продолжали работать над арт-объектом, который назвали Песочные часы. Этот объект мы делали всю зиму 20-го и почти весь январь 21-го года. Делали медленно, и потому что было холодно, и потому что наслаждались самим процессом созидания. Много спорили – по технологиям изготовления, материалам, цветовой гамме. И в спорах этих рождалось, нет, не истина, а обычное человеческое счастье.

Свою работу мы закончить не успели – время для Семена остановилось, в том числе и в Песочных часах.

Семен ушел скоропостижно, в начале седьмого вечера – тихо, никого не побеспокоив и не с кем не простившись. Ушел к Оле, в синюю вечность...

